
ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ PHILOSOPHY: UNIVERSE IN HUMAN AND HUMAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1 (41). С. 117—126.

Economic and Social Research. 2024. No. 1 (41). P. 117—126.

Научная статья

УДК 101.9

doi: 10.24151/2409-1073-2024-1-117-126

<https://elibrary.ru/nlaopp>

Механизм формирования субъектности как основы личностного саморазвития: философский анализ

Е. В. Андриенко¹, А. С. Романова²

¹ Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

² Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

¹ elena_andrienko8@mail.ru

² anna.romanova1810@gmail.com

Аннотация. Представлено философское исследование механизма формирования субъектности в контексте личностного саморазвития. Выявлена тенденция развития общества и культуры в направлении от безличной традиции к личностному творчеству. Сделан акцент на тесной связи понятий субъектности и Самости. Проанализировано понятие Самости в контексте философии К. Г. Юнга, М. Хайдеггера, Э. Фромма, П. Чейни, а также представителей постмодернизма. Проанализированы различные значения понятия «Самость». Сделан вывод, что саморазвитие личности представляет собой становление ее субъектности.

Ключевые слова: образование, субъектность, саморазвитие, лидерство, общество, личность, влияние

Для цитирования. Андриенко Е. В., Романова А. С. Механизм формирования субъектности как основы личностного саморазвития: философский анализ // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 1 (41). С. 117—126. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-1-117-126> EDN: NLAOPP.

Original article

Mechanism of formation of subjectivity as the basis of personal self-development: philosophical analysis

E. V. Andriyenko¹, A. S. Romanova²

¹ St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

² Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹ elena_andrienko8@mail.ru

² anna.romanova1810@gmail.com

Abstract. In this work, the philosophical study of the mechanism of formation of subjectivity in the context of personal self-development is presented. The tendency of the development of society and culture in the direction from impersonal tradition to personal creativity is revealed. The emphasis is placed on the close connection of the concepts of subjectivity and Self. The concept of Self is analyzed in the context of the philosophy of C. G. Jung, M. Heidegger, E. Fromm, P. Cheney, as well as representatives of postmodernism. The various meanings of the concept of “Self” are analyzed. It has been concluded that the self-development of a personality is the formation of its subjectivity.

Keywords: education, subjectivity, self-development, leadership, society, personality, influence

For citation: Andriyenko E. V., Romanova A. S. “Mechanism of Formation of Subjectivity as the Basis of Personal Self-Development: Philosophical Analysis”. *Economic and Social Research* 1 (41) (2024): 117–126. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-1-117-126> EDN: NLAOPP.

В современных условиях перехода к цифровому этапу общественного развития, сопровождающегося растущей сложностью и неопределенностью, а также вызовами транс- и постгуманизма, усиливается роль личности как фактора адаптации к ускоряющимся изменениям социального бытия. Это делает необходимым системное и целостное осмысление саморазвития личности в динамичном рискогенном социальном пространстве. Комплексное осмысление возможностей самообусловленности личностной эволюции позволит приблизиться к пониманию возможностей оптимизации и гармонизации социального бытия через обретение опоры в субъекте социального действия.

В современном научном знании до сих пор не сформировалось общепринятого определе-

ния личности, и этот факт подчеркивает многогранность и сложность данного феномена. Согласно многим дефинициям, «личность» не существует как нечто застывшее и неизменное, а представляет собой процесс. Примером такого подхода является понятие «сантана» в буддийской философии. Н. А. Бердяев и другие русские философы в своих трудах также неоднократно подчеркивали, что личность не есть некая завершенность, она находится в процессе постоянного становления.

Из понимания личности как процесса и результата развития возникает проблема понимания механизма саморазвития личности, а также сущности, которая подлежит изменению в процессе саморазвития — субъектности. В последние 150 лет саморазвитие личности исследовалось преимущественно

в психологическом контексте, но эта проблема имеет и важное социально-философское значение. Отдельные аспекты проблемы личностного саморазвития освещены в работах В. В. Богаченко [1], Д. В. Ольшанского [4], Л. В. Скворцова [6], С. Л. Рубинштейна [5], В. А. Храповой [10], К. Г. Юнга [12], М. Чадхи [13], Э. Тульвинга [17] и др. Вместе с тем практически ни в одной работе нет анализа механизма саморазвития личности, хотя он может открыть широкие перспективы понимания проблемы саморазвития, а также дает возможность сделать этот процесс более эффективным.

Саморазвитие личности — это становление ее физических, социальных и духовных качеств, свойств и функций, которое осуществляется в процессе самодетерминации под воздействием внутренних импульсов и в результате влияния внешней среды. Саморазвитие личности направлено на актуализацию и сохранение ее *Самости* как внутреннего системообразующего начала.

Что представляет собой Самость? На наш взгляд, это *Я*, сепарировавшееся от *Мы*. Профессор Д. В. Ольшанский справедливо отмечает: «*Мы* является гораздо более архаичной структурой сознания, чем индивидуальное *Я*» [4, с. 44]. Первобытный человек ориентировался в мире в тех мифологических параметрах, которые были заданы мифом. Мифологическое мировоззрение архаического периода характеризуется недифференцированностью, отсутствием четкой грани между опытом и представлениями, между действительностью и фантазией, а также между личностным и групповым. Индивидуальное выживание было в тот период в принципе невозможным. Поэтому *Мы* было тотально доминирующим началом и противопоставлялось понятию «*Они*». Мир в зеркале первобытного архаического сознания четко разделялся на «свое» и «чужое».

В дальнейшем в цивилизациях греко-римской Античности и Древнего Востока *Мы* также доминировало над *Я*, что было

обусловлено такими ценностными и психологическими установками, как терпение, иерархизм, конформизм по отношению к действующей власти, акцент на ее божественности и харизматичности (такое отношение к власти характеризует прежде всего восточные культуры). Личность была детерминирована зависимостью от различных групп, начиная от семьи, рода, сельской общины, заканчивая чиновниками и правителем. Аксиологическая направленность личности в древневосточном социокультурном пространстве базировалась на поисках высшего духовного идеала (нирвана, мокша и т. д.). Проявления индивидуализма скорее рассматривались в отрицательном контексте, что сформировало социально пассивный тип личности, диалектически сочетающийся с поисками свободы в трансцендентальном смысле.

Личность в контексте античного полиса обладала лишь относительной автономией по сравнению с личностью в обществах Древнего Востока. Эта относительная свобода была обусловлена рабовладельческой демократией с ее процедурами коллегиального обсуждения общественно значимых проблем, а также статусом религии как общественного дела в Древней Греции. Полис как социокультурное пространство Античности строился на принципах баланса частного и общего, а также самодостаточности (автаркии) и равенства всех перед законом. Сам термин *persona* означал маску в античном театре. Индивидуальность же человека в современном понимании этого слова была связана скорее с античными представлениями об индивидуальной душе («даймон» для мужчин и «кора» для женщин).

В Средние века происходило постепенное утверждение личности как сознательного носителя нравственности. Человек был провозглашен носителем неповторимого и свободного духовного начала, что стало новым метафизическим обоснованием индивидуальности. Развитие личности

в Средневековье понималось как исключительно духовное развитие, связанное с покаянием, служением Богу и одновременно с приобретением свободы от детерминированности судьбы первородным грехом. Мировоззренческий переворот, к которому привело христианство, обусловлен тем, что в вероучении не только артикулировались определенные цели и ценности, но и был указан конкретный путь к их достижению и воплощению. Мир в сознании личности эпохи Средневековья воспринимался как статичный, поэтому вопрос о личностной эволюции (в том числе возрастной) также не ставился: жизнь человека воспринималась как смена отдельных состояний, без акцента на их взаимосвязи. Детство также не воспринималось как важный период жизни, а жизненный уклад Средневековья, по меткому определению А. Я. Гуревича, может быть охарактеризован как «цивилизация взрослых» [2, с. 316].

Если согласно мировоззрению Средневековья духовный рост личности был обусловлен только внешними факторами (Божественной благодатью), то в философской мысли эпохи Возрождения постепенно складывается представление о внутренних источниках эволюции человека. В ренессансной мировоззренческой парадигме личность понимается как венец Творения и подобие Творца; гуманисты Возрождения провозглашают личность высшей ценностью, а ее назначение усматривается в постоянном саморазвитии и творческой самореализации путем преодоления внутренних противоречий. По словам Николая Кузанского [3], саморазвитие — это циклический процесс перехода от хаоса к единству. Согласно Марсилио Фичино [14], движущей силой саморазвития является любовь, мотивирующая человека к определенным мыслям и действиям. Духовное и физическое саморазвитие личности в эпоху Возрождения рассматривались как неразделимое единство.

Новое время утвердило в пространстве западной цивилизации идеалы всемогущества Разума и научного метода познания, определив тем самым и восприятие личностной эволюции как процесса, обусловленного личностным опытом (Т. Гоббс) [16]. И тело, и сознание личности в мировоззренческой парадигме Нового времени рассматривались как сложные механизмы, работа которых направлена на самосохранение и самовоспроизводство.

Таким образом, понимание саморазвития личности трансформировалось от идей самопознания (в античном мире и на Древнем Востоке) до концепций самоактуализации и самореализации, личностного творчества, которые выступают необходимыми условиями адаптации личности к жизни в информационном обществе.

Философская рефлексия саморазвития предполагает осмысление сущности и содержания субстанции, подверженной трансформациям в процессе саморазвития. В данном контексте следует проанализировать понятие Самости. Саморазвитие личности направлено на актуализацию и сохранение системообразующего ядра личности — Самости. Самость в психоаналитической философии является центральным архетипом, в котором интегрируются сознательное и бессознательное начала личности, а также ее индивидуальный, родовой и социокультурный онтологические аспекты. Этот термин был введен К. Г. Юнгом [12], но ученый не дал этому понятию однозначного определения. Он писал о Самости, что это «компенсация конфликта между внутренним и внешним», а также «цель нашей жизни, поскольку она представляет собой самое полное выражение того неповторимого сочетания, которое мы называем личностью; Самость — это полный расцвет не только отдельно взятого индивида, но и целой группы, каждый член которой вносит свою долю в складывающееся целое» [12, с. 92]. Важнейшим аспектом в интерпретации Самости

у К. Г. Юнга является ее интегральное положение в отношении сознания и бессознательной части психики. По его словам, «Самость есть не только центр, но и полный круг, весь тот объем, который включает в себя сознание и бессознательное: она есть центр суммативной целостности, как Я есть центр сознания» [12, с. 107].

Диапазон значений Самости в философии психоанализа включает: архетипический образ личностного потенциала; исходное состояние интегрированного организма; согласование противоположных начал психики; суммативность личности; образ Бога в человеке и др. В философии юнгианского психоанализа под Самостью понимается также склонность психики (в других интерпретациях — души) к упорядоченному и целенаправленному развитию, а также формированию образно-символических форм, выходящих за пределы индивидуального сознания (образы богов или героев, открывающих для людей возможность самореализации и саморазвития). В отличие от Я-концепции, опирающейся преимущественно на сознание, Самость включает в себя как осознаваемые, так и бессознательные аспекты.

Поскольку в юнгианском психоанализе все архетипы выражаются через символы, Самость также имеет символическую форму, которая, в частности, воплощена в буддийской мандале. Самость в индийских «Упанишадах» — это Атман (индивидуальная душа, одновременно выступающая частицей Абсолюта — Брахмана). Исследование Самости в контексте восточной философии занимают многие авторы. Так, М. Чадха, анализируя концепт Самости в традиции ньяя, пишет: «Исходное умозаключение осуществляет концептуальное воспроизведение исходного противостояния представлений о Самости как сохраняющемся агенте сознания, с одной стороны, и проявления действия субстанции, требующей онтологического истолкования, — с другой»¹ [13, с. 38] (приводится по: [6]).

¹ Перевод с английского Л. В. Скворцова.

Философскую интерпретацию термина «Самость» содержит и концепция М. Хайдеггера, который перенес понимание Самости из сферы коллективного бессознательного в сферу личностного сознания и определил ее как *самобытие* (бытие Я, нем. *Ich-Selbst*). Самость в философии М. Хайдеггера интерпретируется через категорию заботы [15, с. 93]. Кроме личной Самости философ выделил также ее безличную форму (нем. *Man-Selbst*), которая определена началом *Man* и выражена формой повседневного высказывания *Ich-Sagen*. В безличной Самости личные способности и возможности саморазвития находятся на периферии, тогда как в личной ее форме они пребывают в центре внутреннего мира личности.

В дальнейшем Самость исследовали многие авторы: Э. Фромм (как характеристику внутренней природы личности); П. Чейни (как практику самоосведомленности); Э. Эриксон (как индивидуальную идентичность), Ж. Бодрийяр и Ж. Лиотар (как феномен, подверженный изменениям под влиянием различных социокультурных факторов).

Саморазвитие личности возможно только при условии сохранения ее целостности². Связь Самости и личностного саморазвития подчеркивает В. В. Богаченко, которая, опираясь на К. Г. Юнга, пишет о Самости: «...Это символ целостности личности, которая достигается на стыке взаимодействий сознательного и бессознательного, это цель человеческой жизни и двигатель самопознания и самосовершенствования» [1, с. 141].

Социальное значение Самости заключается в наличии у нее функции синхронизации общественного поведения и действий. Устойчивость цивилизационного развития, утверждает Л. В. Скворцов, на всех исторических этапах зависит от того, насколько скоординировано массовое поведение людей

² Не случайно психические заболевания сопровождаются расколом личности и ведут к ее деградации.

[6, с. 67]. Данная координация и синхронизация, в свою очередь, детерминированы общностью смысложизненных начал социального бытия, которые в предельном выражении составляют Самость. Таким образом, Самость — это предельное смысложизненное основание личности как уникальной саморазвивающейся целостности, включающей сознательные и бессознательные элементы, а также социальный и индивидуальный контексты. Самость выступает основой специфики личности как субъекта саморазвития. Самость в личностном бытии константна, но эта константность гибкая и относительная, поскольку может изменяться в зависимости от социокультурных практик и особенностей межличностного взаимодействия, принятых в том или ином обществе.

В русскоязычных научных трудах слово «Самость» часто заменяется словами «личность» (А. Г. Асмолов) и «субъект» (М. М. Бахтин, С. Л. Рубинштейн [5]).

Самость, обеспечивая интегральное единство личности, формирует ее субъектность — способность личности выступать независимым агентом деятельности, быть причиной себя и своей эволюции. Поскольку саморазвитие предполагает самодетерминацию личности (что и является ее субъектностью, способностью двигаться к поставленным целям и открывать новые возможности для реализации своего потенциала), механизм саморазвития личности раскрывается именно как механизм становления ее субъектности. В данном контексте следует пояснить: субъектность может быть выражена как индивидуальной, так и коллективной модальностями. Так, в качестве модальности коллективного субъекта, пишет В. А. Храпова, может выступать «группа людей, приобретающая такие системные качества, как коллективное сознание, самосознание, воля к действию, осознанный выбор целей, способов и средств действия; определенный социум, если он обладает высокой степенью внутренней организованности

и цельности, единое сознание и самосознание, проявляющееся в культуре; общество или человечество, осознающее себя единым целым и обладающее осознанной активностью, направленной на внешнее преобразование и внутренние трансформации» [10, с. 111]. Однако в настоящих рассуждениях нас интересуют прежде всего индивидуальная субъектность личности и механизм ее становления, хотя основные этапы этого процесса в равной мере могут быть отнесены и к становлению коллективной субъектности.

Механизм саморазвития личности можно анализировать с опорой на различные подходы. На основе подхода, предложенного В. В. Богаченко, выделяются следующие аспекты формирования субъектности личности через категорию Самости:

- 1) горизонтальный — накопление социально-ролевых актов самоидентификации в семье, профессиональной среде, религиозной общине, социальном слое и т. п.;
- 2) вертикальный — включающий в себя индивидуальный, интересубъективный, пространственно-временной, этнонациональный, социокультурный и глобализационный уровни [1, с. 143—144].

На *индивидуальном* уровне формируется ядро Самости как уникальности субъекта; на *интерсубъективном* происходит адаптация субъекта к социокультурной среде путем выстраивания контактов с другими субъектами; на *пространственно-временном* уровне субъект определяется с местом, временем и сферой реализации своего внутреннего потенциала (в информационном обществе многие из этих параметров весьма гибкие); на *этнонациональном* уровне³ субъект усваивает

³ Под социокультурным уровнем В. В. Богаченко понимает межкультурный диалог и семиотико-знаковую систему как его основу; глобальный уровень — это «общечеловеческий духовный, ценностный, интеллектуальный уровень, постигнуть который возможно лишь в процессе самоорганизации и развития своей “самости”, достигнув гармонии с собой и с окружающим миром» [1, с. 145].

этнонациональные элементы социокультурной среды — язык, традиции, события и условия социального бытия.

Возможны и другие подходы к анализу механизма эволюции субъектности, построенные на основе идей И. Г. Фихте [7], Э. Фромма [8] и М. Фуко [9].

В эволюции субъектности мы предлагаем выделить четыре этапа.

Первый — самоосознание через отделение своей субъектности (своего Я) от внешних объектов. Этот этап раскрывается в социокультурном контексте через категории спасения, самодостаточности, уникальности. «Спаستись», по утверждению В. А. Храповой, означает сохранить свою самоидентичность, свою личностную уникальность в вечно меняющемся бытии, а также избежать принуждения и действовать согласно собственной воле [10, с. 112]. При этом, как и у И. Г. Фихте, внутренний мир — Я — неразрывно связано с миром внешним и соотносится с ним как тезис и антитезис, который сливается в синтезе (поскольку сознание познающего субъекта вмещает в себя все объекты внешнего мира) [7, с. 156]. М. Фуко писал о том, что отношения между внешним и внутренним — это одновременно познание природного бытия и самопознания: «Обращаться на себя» — это также некоторым образом познавать природу» [9, с. 149] (приводится по: [10, с. 112]; когда мы «...некоторым образом оказались над миром, — нашим миром, или, пожалуй, в миг, когда мы возносимся над вещами, окружающими нас в этом мире, мы тем самым одновременно прозреваем самые глубокие тайны природы» [9, с. 303] (приводится по: [10, с. 113]). Иными словами, для самосознания Я как субъекта собственного бытия, познания и действия необходимо диалектическое взаимодействие с внешним миром.

Второй этап — культивирование своей субъектности через практики, обусловленные социокультурной средой, а также личным опытом и индивидуальными особенностями

(например, ориентацией на свои интересы, авторитет и т. д.). На этом этапе важную роль играет способность к целеполаганию. М. Фуко писал о том, что для личности крайне важно четко видеть цель, а также ясно осознавать ее и то, какие средства будут наиболее эффективными для ее достижения, «создать вокруг себя пустоту, не дать себя увлечь, отвлечь никаким шумом, образом, никому из окружающих; думать о цели или, скорее, о том, что отделяет от нее; воображать себе траекторию, которая соединит с тем местом, куда хочешь прийти, с тем, к чему стремишься» [9, с. 249] (приводится по: [10, с. 112]). Иными словами, на этапе культивирования себя субъект направляет свое внимание и усилия на осознание разницы между собой настоящим и собой желаемым, т. е. выступает целью сам для себя.

Третий этап — рост субъектности через контакт с внешним миром, что является логическим продолжением первого и второго этапов эволюции Я. Такой контакт может носить как гармоничный или нейтральный, так и конфликтный характер. Современное общество, часто характеризующееся как общество потребления, может создавать условия для отчуждения личности от самой себя, воздвигая в число приоритетных целей производство и потребление материальных благ. При этом может деградировать способность к спонтанной внутренней активности, к творчеству как личностному самопроявлению. Э. Фромм писал по этому поводу: «...Мы можем верить в себя — не в постоянство собственных мыслей, а в наши основные жизненные ориентиры, в неизменность структуры нашего характера. Подобная вера обусловлена переживанием самости, нашей способностью с полным основанием сказать Я, чувством самотождественности» [8, с. 52]. В работе В. В. Богаченко выделяются следующие векторы взаимодействия личности и социума, влияющие на формирование личностной субъектности: 1) конформизм как полное принятие социокультурных ценностей, норм,

стандартов, клише и стереотипов; 2) девиация, проявляющаяся в следующих позициях: а) асоциальной (мировоззренческое неприятие социокультурных норм, приводящее к исключению личности из общества); б) антисоциальной (противостояние с социокультурной системой на поведенческом уровне, сопровождающееся среди прочего правонарушениями); в) инновационно-творческой (формирование уникальной Самости через саморазвитие и гармонию внешнего и внутреннего аспектов бытия) [1, с. 142—143].

Четвертый этап — закрепление результатов формирования субъектности через ее артикуляцию в знаках, символах, текстах, аксиологических убеждениях и т. п. Становление субъектности как основы саморазвития и самопознания — это непрекращающийся процесс, в котором личности требуется «оснащение, которое должно быть создано заранее и которое позволит ответить на вызов сразу же, как только в этом возникнет необходимость» [10, с. 113]. В философии М. Фуко концептуальной системой артикуляции субъектности личности является речь, с помощью которой осуществляется активное вслушивание, вхождение в контекст требуемых достижений, а также выстраивание этической программы и поведенческой стратегии.

Таким образом, личность — это смысло-созидающее, организующее, активное начало, включающее в себя рациональные и спонтанные компоненты и находящееся в постоянном процессе самодетерминации собственной субъектности. Системообразующим мировоззренческим началом личности является ее Самость, включающая как сознательные, так и бессознательные аспекты и синхронизирующая социальное и индивидуальное начала в процесс личностной эволюции. Обеспечивая интегральное единство личности, Самость формирует субъектность — способность личности выступать независимым агентом деятельности, быть причиной собственного развития.

Механизм саморазвития личности может быть представлен как механизм становления ее субъектности, который включает следующие основные этапы: 1) самоосознание через отделение своей субъектности (*Я*) от внешних объектов; 2) культивирование субъектности через социокультурные практики; 3) рост субъектности через контакт с внешним миром, который может носить характер конформизма или нонконформизма (девиация); девиации, в свою очередь, проявляются в асоциальной, антисоциальной и инновационно-творческой позициях, где именно в творчестве происходит становление уникальной Самости через гармонию внешнего и внутреннего онтологических аспектов; 4) закрепление результатов формирования субъектности через ее артикуляцию в знаках, символах, текстах, ценностях и др.

Перспективным направлением дальнейших исследований нам представляется анализ связи вопросов формирования субъектности и квалиа (*qualia*) как неповторимого чувственного опыта личности, а также влияния цифровых технологий на процесс артикуляции личности как субъекта социальных и культурных отношений.

Список литературы и источников

1. **Богаченко В. В.** «Самость» как атрибут целостности субъекта социального действия и ее социокультурные уровни формирования // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2015. № 5 (178). С. 140—146. EDN: XENHIJ.
2. **Гуревич А. Я.** Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. **Николай Кузанский.** Об ученом незнании / пер. с лат. В. В. Бибикина. М.: Академический проект, 2011. 160 с. (Философские технологии).
4. **Ольшанский Д. В.** Психология масс. СПб.: Питер, 2001. 363 с. (Мастера психологии).

5. **Рубинштейн С. Л.** Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. 287 с. (Мастера психологии).
6. **Скворцов Л. В.** Самость (self) как проблема гуманитарного знания // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2014. № 1 (25). С. 66—136. EDN: SQVTJL.
7. **Фихте И.** Основа общего наукоучения. М.: Директ-Медиа, 2002. 448 с.
8. **Фромм Э.** Душа человека / пер. с англ. В. Закса, Т. В. Панфиловой. М.: АСТ, 2014. 348 с. (Новая философия).
9. **Фуко М.** Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981—1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 676 с.
10. **Храпова В. А.** Регионализм как форма проявления субъектности (феноменологический взгляд на герменевтические исследования М. Фуко) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 110—115. <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.12> EDN: ZCCRFD.
11. **Храпова В. А., Карандашов И. В.** Региональный текст в современной социокультурной динамике // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 4. С. 125—131. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14> EDN: PPLQEN.
12. **Юнг К. Г.** Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 317 с. (История психологии в памятниках).
13. **Chadha M.** The Self in early Nyāya: A minimal conclusion // Asian Philosophy. 2013. Vol. 23. Iss. 1. P. 24—42. <https://doi.org/10.1080/09552367.2013.749624>
14. **Ficino M.** Three Books on Life: a critical edition and translation with introduction and notes / eds C. V. Kaske, J. R. Clark. Tempe, AZ: ACMRS Press, 1989. 528 p. (Medieval & Renaissance Texts & Studies; vol. 57).
15. **Heidegger M.** Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. 450 S.
16. **Hobbes Th.** Leviathan. London: Wordsworth, 2014. 592 p. (Wordsworth Classics of World Literature).
17. **Tulving E.** What is episodic memory? // Current Directions in Psychological Science. 1993. Vol. 2. No. 3. P. 67—70.

References

1. Bogachenko V. V. “Self” as an Attribute of Integrity of Social Activity Subject and Its Social-Cultural Levels of Formation”. *Trudy BGTU. No. 5. Istoriya, filosofiya, filologiya = Proceedings of BSTU No. 5 — History, Philosophy, Philology* 5.178 (2015): 140—146. (In Russian). EDN: XENHIJ.
2. Gurevich A. Ya. *Categories of Medieval Culture*. Moscow: Iskustvo, 1984. 350 p. (In Russian).
3. Nicolas Cusanus. *Of Learned Ignorance*. New York: Angelico Press, 2023. 206 p.
4. Ol’shanskiy D. V. *Psychology of Masses*. St. Petersburg: Piter, 2001. 363 p. (In Russian). Mastera psikhologii.
5. Rubinshtein S. L. *Existence and Consciousness*. St. Petersburg: Piter, 2017. 287 p. (In Russian). Mastera psikhologii.
6. Skvortsov L. V. “Self as a Problem of Humanitarian Knowledge”. *Chelovek: obraz i sushchnost’. Gumanitarnye aspekty = Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects* 1 (25) (2014): 66—136. (In Russian). EDN: SQVTJL.
7. Fichte Johann Gottlieb. *Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre*. 4. Aufl. Berlin: Holzinger, 2016. 200 S. (In German).
8. Fromm Erich. *The Heart of Man: Its Genius for Good and Evil*. New York: American Mental Health Foundation, 2010. 152 p.
9. Foucault Michel. *L’herméneutique du sujet: Cours au Collège de France, 1981—1982*. Auberwilliers: EHESS, 2001. 545 p. (In French).
10. Khrapova V. A. “Regionalism as a Form of Subjectivity Manifestation (a Phenomenological View on Hermeneutical Study of M. Foucault)”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial’nye tekhnologii = The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies* 16.1 (2017): 110—115. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.12> EDN: ZCCRFD.

11. Khrapova V. A., Karandashov I. V. "Regional Text in Modern Socio-Cultural Dynamics". *Logos et Praxis* 17.4 (2018): 125—131. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14> EDN: PPLQEN.
12. Jung Carl Gustav. *Psychology of the Unconscious*. New York: Moffat, Yard and Co., 1916. 566 p.
13. Chadha Monima. "The Self in Early Nyāya: A Minimal Conclusion". *Asian Philosophy* 23.1 (2013): 24—42. <https://doi.org/10.1080/09552367.2013.749624>
14. Ficino Marsilio. *Three Books on Life: a critical edition and translation with introduction and notes*. Eds C. V. Kaske, J. R. Clark. Tempe, AZ: ACMRS Press, 1989. 528 p. *Medieval & Renaissance Texts & Studies* 57.
15. Heidegger Martin. *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. 450 S. (In German).
16. Hobbes Thomas. *Leviathan*. London: Wordsworth, 2014. 592 p. *Wordsworth Classics of World Literature*.
17. Tulving Endel. What is Episodic Memory? *Current Directions in Psychological Science* 3.2 (1993): 67—70.

Информация об авторах

Андриенко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов (Россия, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15). <https://orcid.org/0000-0002-2342-2404>

Романова Анна Сергеевна — аспирантка кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет (Россия, 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100). <https://orcid.org/0009-0006-0611-0798>

Information about the authors

Elena V. Andriyenko — PhD (Philos.), Professor at the Chair of Philosophy and Cultural Studies, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences (Russia, 192238, St. Petersburg, Fuchika str., 15). <https://orcid.org/0000-0002-2342-2404>

Anna S. Romanova — Postgraduate Student at the Chair of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University (Russia, 400062, Volgograd, Universitetsky ave., 100). <https://orcid.org/0009-0006-0611-0798>

Статья поступила в редакцию: 27.12.2023.

The article was submitted: 27.12.2023.